

ЗНАЧЕНІЕ ИМЕНИ „ЧЕЛОВѢКЪ“ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ (¹).

(БОГОСЛОВСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ)

(окончаніе)

Объясненіемъ названій *человѣка* у тевтоновъ и римлянъ объясняется значеніе этого имени почти у всѣхъ главныхъ (²) европейскихъ народовъ, за исключеніемъ греческаго и славянскаго. У шведовъ напри-мѣръ и англичанъ названіе *человѣка* есть названіе тевтонское, а у французовъ и итальянцевъ—римское. Поэтому мы и переходимъ теперь прямо къ объясненію названій *человѣка* у еллиновъ и славянъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ названіяхъ звучитъ уже не простой арійскій (сохранившійся въ санскритѣ) корень, какъ въ названіяхъ римскомъ и тевтонскомъ; еллинское названіе *человѣка*—слово сложное, а славянское—слово производное.

Греческое имя *ἄνθρωπος* объясняли различно; но всѣ толкователи его согласны въ томъ, что это слово—сложное. Платонъ въ своемъ „Кратилъ“ или въ своемъ сочиненіи „Объ истинномъ значеніи названій“ между

(¹) Правосл. Собес. ноябрь 1870 и июнь 1871.

(²) По участию ихъ въ развитіи европейской жизни, цивилизаціи и политики.

прочтѣе касается и имени *ἄνθρωπος* (человѣкъ) и объясняетъ это имя такъ: *ἀναθρώσκω ἄ. ὄπαστε*, то есть, существо, которое воспроизводитъ (мысленно) то, что видѣло. Такое значеніе имени *ἄνθρωπος* Платонъ придаетъ на основаніи слѣдующаго соображенія „ни одно изъ животныхъ“; „говоритъ онъ, „не воспроизводитъ и не обождаетъ того, что видѣтъ; а человѣкъ лишь только увидѣтъ что, уже и воспроизводитъ и обождаетъ то, что увидѣлъ“ (1). Впрочемъ такое пониманіе значенія *ἄνθρωπος* въ древнемъ мірѣ раздѣляли съ Платонемъ немногіе. Самое распространенное тогда пониманіе этого имени было слѣдующее: *ἄνθρωπος* — существо, у котораго лицо и взоръ обращены вверхъ; безфрасть и этимологичность (2) говорятъ, что человѣкъ названъ греками *ἄνθρωπος* влѣдствіе того, что онъ смотритъ лицомъ вверхъ (3). Также точно объясняютъ это имя и (Овидій). „Тогда какъ, говоритъ онъ, прочія животныя смотрятъ пониженою головою въ землю, челоука (Творецъ) снабдилъ лицомъ, обращеннымъ вверхъ, и повелѣлъ ему созерцать небо и направлять свой взоръ къ звѣздамъ“ (4)... Филологи нашихъ временъ въ объясненіе этого имени большею частію приводятъ мнѣніе древнихъ (5), но не всегда безъ критики: такъ Іоаннъ Сваспула, соглашаясь съ мнѣніемъ,

(1) *Krauzl.* p. 399. c. Н. *Ἐπιπέρι τοῦτο τὸ βίβια ὁ ἄνθρωπος* ὅτι τὰ μὲν ἄλλα θηρία, ἂν ἢ οὐδὲν ἐπισκοπῶ οὐδὲ ἀναλογίζετα, οὐδὲ ἀναθροῖ ὁ δὲ ἄνθρωπος ἅμα ἑώρακε (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ βλέπει) καὶ ἀναθροῖ καὶ ἀναλογίζετα τοῦτο ὃ ὀψιπεν ἐντερεῖν δι' ἴσον τῶν θηρίων ἢ ἄνθρωπος ἄνθρωπος ἀνομοίωθη, ἀναθροῖν ἄ. ὄπαστε.

(2) Неизвѣстный авторъ сочиненія «*Etymologicon Magnum*.

(3) *I. Scapulae Lexicon Graeco-Latin.* p. 64: *apud Theophrastum, παρὰ τὴ διαθροῖν τὴν ὄψα.* Londini. 1820. *Etymolog.* col. 109. *παρὰ τὸ ἀνα ἀθροῖν.*

(4) *Ovidii Metamorphos.* I, 84:

... Pronaque cum spectent animalia caetera terram;
Os homini sublime dedit: caelumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollere vultus.

(5) Дампій, Коссовицъ, Пассовъ и др.

что человекъ названъ греками *ἄνθρωπος* потому, что онъ смотритъ вверху, думаетъ однакожь, что это слово образовалось не изъ *ἄνω*—вверху и *ἀδρᾶν*—смотреть, но изъ *ἄνθεος* — высшій (отъ *ἄνθος*) и *ἄψ*—взглядъ, и означаетъ существо, совершающее то, что выше земнаго ⁽¹⁾; а филологъ Пассовъ, считая названіе *ἄνθρωπος* словомъ весьма древнимъ, сомнѣвается даже, что бы оно было словомъ сложнымъ ⁽²⁾. Сомнѣніе это не было бы неопровержимымъ даже въ томъ случаѣ, если бы еллинскій языкъ былъ языкомъ первобытныхъ людей; но такъ какъ языкъ еллиновъ образовался и развился изъ того древняго арійскаго языка, на которомъ когда-то въ Азіи говорили общіе предки всѣхъ арійскихъ племенъ, то на какомъ же основаніи мы будемъ утверждать, что *ἄνθρωπος* непременно должно быть простымъ, несложнымъ словомъ? Согласимся, что оно образовалось во время самаго перваго зарожденія еллинскаго языка; развѣ тогда, для обозначенія человека новымъ именемъ, отличнымъ отъ того, какимъ называли его аріиды азіатскіе, европейскій аріецъ не могъ слить въ одно двухъ древне-арійскихъ понятій, а слѣдовательно и двухъ словъ изъ древне-арійскаго же языка, отъ котораго совершенно еще не освободился? Вѣдь нельзя предположить, что греческій языкъ такъ вдругъ ни съ того ни съ сего и выросъ? Напротивъ мы знаемъ, что онъ развился мало помалу изъ общаго арійскаго языка. Гораздо справедливѣе замѣчаніе I. Скапулы, что древніе невѣрно опредѣляли составныя части слова *ἄνθρωπος*; потому что изъ *ἄνα*, *ἀδρέω* и *ἄψ* вышло бы не *ἄν-*

(1) I. Scapulae Lexicon, p. 902: veteres recte quidem statuisse, quantum ad sensum, male vero, quantum ad compositionem: et *ἄνθρωπος* dictum quasi *ἀρτέραπον*, h. e. superiora videntem.

(2) Passow. Handwörterbuch der Griechisch. Sprache: «Das Wahre ist wohl, dass es mit zum Stamm *ἄνα*, *ἄνω*, *ἄνθος*, *ἀνθένω* gehört, aber ohne alle Zusammensetzung, die bei einem so alten und vielgebrauchten Wort durchaus undenkbar ist».

θραυλος, а *ἀν-ἀθρ-ωλος*, т. е., *ἀνάθραυλος*. Но и самъ Ювиннъ Сканула невѣрно, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ составныя части этого слова. Слова *ἀνάθραυλος*, во-первыхъ, нѣтъ въ греческомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ его ни у одного изъ греческихъ писателей; во-вторыхъ, это слово, какъ справедливо замѣчаетъ Пассовъ, весьма древнее и, какъ такое, не могло сложиться изъ чисто-греческихъ корней; наконецъ, всѣ слова, сложныя съ *ὄψ* — взгляды, имѣли у грековъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (1), а въ *ἀνάθραυλος* удареніе на первомъ слогѣ. Намъ кажется, что имя *ἀνάθραυλος* образовалось изъ двухъ древне-арійскихъ корней, сохранившихся въ санскритѣ, — изъ *anjatara* — одинъ изъ двухъ (2) и *pa* (па), откуда *pat* (3) и *bhat* — говорить (4). Изъ *anjatara* еще въ санскритѣ образовалось нарѣчіе *anjatra* (5); а что *anjatra* въ сложеніи могло видоизмѣниться въ *anjtra*, видно изъ того, что само *anjatara* произошло отъ *anjā* (6) иной (инь), гдѣ послѣднее *a* есть суффиксъ, который въ сложеніи часто опускается безъ всякаго ущерба для значенія, если только это не противно законамъ фонетики. Но такъ какъ санскритскій знакъ *j* или *y*, сколько можно судить по филологическимъ даннымъ, соответствуетъ итальянскому *j* или *g* (7) и греческому густому дыханію (8), которое въ соедине-

(1) *ἄφραυλος, ἀρρήενωλος, καλωπος, μελαωπος* и др.

(2) *Vorr. Glossarium Sanscrit.* p. 12. Berolini. 1847.

(3) Тамже, стр. 204.

(4) Тамже, стр. 243. Греч. *ἔπω, φάω* (*φημι—ἐφαμεν*) — говорю, *ἔπος* — басня и пѣснь; латинск. *faci* — скарывать, *fama* — молва; наше — баю, пою, басня, пѣснь.

(5) *Vorr.* 12.

(6) Тамже.

(7) *Vorr. Vergleichende Grammatik.* §§ 269 и 307.

(8) *Vorr. Glossar. Sanscrit.* p. 274. Изъ санскрит. *jaḥ* — греческое *ἅγιος* — святой и *ἄζω* — благоговѣю.

ли съ звукомъ *t* образуетъ *th* или греческ. *θ* (1); то *αἴτη* у грековъ должно было видоизмѣниться въ *ἀνδροα*. Вторая половина слова *ἀνδραολος* есть *ολος* отъ древне-арійскаго *ra*—говорить и составляетъ одно и тоже съ греческимъ *ῥψ*; но не *ῥψ*—взоръ, а *ῥψ*—рѣчь, голосъ, гдѣ звукъ *ς* (*ο-π-ς*) есть суффиксъ именительнаго падежа (2), а начальный звукъ *ο*—прибавка уже греческая. Подобныя прибавки—явленіе нерѣдкое въ образованіи греческихъ словъ изъ древне-арійскихъ корней; такъ изъ древне-арійскаго *rac* (наше—цекю) образовалось у грековъ *ῥακ-αω* = *ῥακ-αω*—жарю (3); но изъ тогоже *rac* вышло у грековъ и *ῥακ-βω* = *ῥακ-βω* жарю (4). Такъ точно и изъ *ra*—говорить вышло у нихъ не только *ῥψ* (*ῥα-ς*), но и *ῥτος*—слово, рѣчь (*ῥ-τις*—говорю). Слово *ῥψ*, въ значеніи *рѣчь, готовъ*, употребляется не только у Гомера (5) и Гезіода (6), но и у Эсхила (7), Еврипида (8), Софокла (9), Пиндара (10) и у нѣкоторыхъ другихъ писателей..... А что изъ *ἀνδροα* и *ῥα-ς* должно было образоваться *ἀνδραολος* съ долгимъ *ο* въ слогѣ *ραω*, такъ это видно изъ того, что у грековъ *α + ο*, при сліяніи, всегда образуютъ *ο* долгое, то есть, *ω*.

Такимъ образомъ слово *ἀνδραολος*, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ понятіе о разговорѣ между двумя, съ такимъ отбѣнкомъ мысли, что въ известный моментъ говорить одинъ изъ двухъ (*ἀνδροα*—одинъ изъ двухъ и *ῥψ*—рѣчь), и *ἀνδραολος* будетъ

(1) *Popp. Gloss. Sanscr.* p. 275.

(2) *Bopp. Vergleich Gramm.* § 134.

(3) *Popp. Glossar. Sanscrit.* p. 203.

(4) Тамже, p. 204.

(5) *Илиад.* 2, 182; 7, 53; 11, 137 и др.

(6) *Θεογον.* 532.

(7) *Suppl.* 60.

(8) *Нес.* 553.

(9) *ΕΙ.* 1068.

(10) *Thesavr. Graecae Linguae.* Henric. Stephan.

звукъ существо, способное вести рѣчь съ другимъ такимъ образомъ, что въ известный моментъ говоритъ одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ. Въ подтвержденіе Малого мнѣнія ссылается на то, что кромѣ *ἄφρονας* у грековъ было другое названіе челоука — *μέροψ*. *Μέροψ*, также какъ и *ἄφρονας*, — слово сложное, но оно уже чисто греческое; оно составилось изъ *μέρος* — часть (*μεῖρος*, *μερ-ίσι* — дѣлю на части) и *ὄψ* — глаголъ, рѣчь. Въ послѣдней половинѣ этого слова, то есть, въ *ὄψ* в древніе видѣли уже не *ὄψ* — взоръ, а *ὄψ* — рѣчь. Такъ у Гомера и Гезіода встрѣчаются выраженія: *μέροπες φρονοί*, *μέροπες λαοί* ⁽¹⁾ — раздѣльно говорящіе смертные, раздѣльно говорящіе: овцы ⁽²⁾; а позднѣйшіе писатели, — Эсхиль ⁽³⁾, Еврипидъ ⁽⁴⁾, Абуиндръ, употребляли это слово прямо вмѣсто *ἄφρονας*; Гезій и схоласти ⁽⁵⁾, а въ наше время Дамий (жившій въ прошломъ вѣкѣ) ⁽⁶⁾, слово *μέροψ* считают сложнымъ изъ *μέρος* — часть и *ὄψ* — рѣчь и придаютъ ему значеніе: *одаренный члнмораздѣльнымъ речью*. Такииъ образомъ какъ въ *ἄφρονας*, такъ и въ *μέροψ* звучитъ древній корень *ra* = *ноу*, *баю*, говорю.

Греки имѣли одно сильное побужденіе оставлять свое вниманіе на словѣ человеческомъ. Побужденіе это заключалось въ слѣдующемъ историческомъ явленіи.

Членами слова первоначально были одни согласные звуки. Это видно изъ того, что гласные звуки первоначально сильно колебались и мѣнялись и безъ всякаго ущерба для пониманія смысла слова; такъ у насъ: крава — корова, носить — несъ, стражь — сторожь —

(1) Иліад. 1, 250; 2, 285. Труды и дни, 109, 142, 143.

(2) Гнѣвнчъ переводить: *аснолагодные*.

(3) Suppl. 89. Choerh. 1917.

(4) Iph. T. 1263.

(5) *Menisc. Stephani Thesaurus Graecae Linguae*, p. 802. Paris.

(6) *Lexicon Graecum Homericum Londini 1824*.

стерету, стекло — стекло и множество других словъ. Мало этого: кажется, было время, когда люди совершенно не различали гласныхъ звуковъ. Это особенно замѣтно въ языкахъ семитическихъ. Но и древній арійскій языкъ первоначально, повидимому, не различалъ гласныхъ звуковъ. Даже знаменитый Бопль и притомъ уже въ санскритѣ, — а это не первобытный арійскій языкъ, — признаетъ первоначальными гласными (Ursprache) только три: *a*, *i*, *u* ⁽¹⁾; а звуки *e* и *o* образовались, по его мнѣнью, позже, первый — изъ слиянiя *a* съ *i*, а второй — изъ слиянiя *a* съ *u* ⁽²⁾. Намъ кажется, можно сдѣлать и болѣе далекое предположенiе, именно: ранѣе того періода, когда арийцы различали уже три гласныхъ звука, былъ періодъ, когда они отличали только одинъ гласный звукъ *a*. Это предположенiе основывается на томъ, что въ санскритѣ замѣтно сильное, очень сильное преобладанiе этого гласнаго звука. Не будемъ ссылаться на санскритскiе шлокиныи, известные подъ именами: *Guna* и *Wridhi* и основывавшіеся именно на характерѣ преобладанiя въ языкѣ звука *a*, какъ на вещь мало извѣстную; сопоставимъ лучше, для большей наглядности, нѣсколько словъ санскритскихъ съ русскими: наше *амы*, *еси*, *еси* въ санскритѣ — *amī*, *asī*, *asī*, наше *беру* въ санскритѣ — *baramī*, *vesu* — *vahamī*, *пашу* — *pasamī*, *славянскiя* — *slavayase*, *славянское вѣло* (очень) — *vāla*, *звѣнто*, *звоню* — *svan* (издавать звукъ) и т. п. А если арийцы сначала отличали только одинъ гласный звукъ, попомъ — два, три и т. д.; то почему не предположить, что было время, когда они, подобно другимъ азіатскимъ народамъ, вовсе не отличали гласныхъ звуковъ. Но языкъ безъ гласныхъ ⁽³⁾ не могъ быть

(1) Vergleichend. Grammat., § 1.

(2) Ibid. § 2.

(3) Это не то значить, что бы человѣкъ не произносилъ ничего похожаго на гласные звуки; нѣтъ, это значить то, что онъ такъ слитвалъ ихъ съ согласными, что еще не могъ ихъ

такъ гибокъ и послушенъ человѣку, не могъ быть такъ привлекателенъ и такъ, — употребимъ выраженіе эллиновъ, — крылатъ, какъ языкъ съ гласными; онъ болѣе или менѣе долженъ былъ задерживать крылатую мысль человѣка. Въ тотъ давнишній періодъ времени мысль своимъ быстрымъ полетомъ сильнѣе могла поражать человѣка, чѣмъ слово; и человѣку естественно было называть себя *шан* — мыслителемъ. Но вотъ въ языкѣ стали отличать не одну, двѣ, три, — а шесть, семь, восемь и болѣе гласныхъ. Обязательное употребленіе ихъ, какъ звуковъ новыхъ, дополнительныхъ и притомъ таинныхъ, которые бывъ вставлены среди согласныхъ, не только не затрудняютъ произношенія, а еще облегчаютъ его, не могло не обогатить языка и новыми формами. И вотъ являются богатые формы и легкіе по произношенію языки, къ числу которыхъ относится и санскритскій. Слова, какъ и мысли, стали литься рѣкой; ни бѣдность словесныхъ формъ, ни трудность произношенія уже не стѣняютъ человѣка. Какъ же было не поражаться ему такимъ явленіемъ?.. Все это совершилось еще въ Азій; и всѣмъ этихъ не могъ не поражаться еще азіатскій человѣкъ. Но азіатскій человѣкъ не хотѣлъ измѣнять своимъ преданіямъ и потому не мѣнялъ своего названія: *мыслитель*. Совсѣмъ иначе человѣкъ почувствовалъ себя по переселеніи своемъ въ Европу; гдѣ болѣе или менѣе сталъ свободенъ отъ азіатскихъ преданій. Одно изъ переселившихся изъ Азій въ Европу племенъ, на долю котораго выпало гораздо болѣе, чѣмъ на долю другихъ, условій къ развитію свободной жизни, свободное уже отъ азіатскихъ преданій, нашло, что человѣка гораздо естественнѣе называть существомъ словеснымъ, чѣмъ существомъ разумнымъ; такъ какъ понятіе — *умъ* не заключаетъ въ себѣ понятія — *слово* (а между тѣмъ че-

---

представлять, на произносить гласныхъ звуковъ отдѣльно отъ согласныхъ, или отъ придыханій.

ловѣкъ способенъ не только мыслить, но и передавать свои мысли (словомъ); тогда какъ въ понятіи *умъ* входитъ и понятіе *ума*, или вѣрнѣе: племени это племени, что названіе *мыслимыя* обнимаетъ одну лишь внутреннюю сторону человѣческой природы; тогда какъ названіе *словесныя* обнимаетъ не только внутреннюю природу чловѣка: съ его внутренними движеніями, которыя онъ всегда способенъ передать другому, но и его вѣшнюю природу; такъ какъ слово съ звуковой своей стороны есть продуктъ организма. А почувствовало оно это потому, что ощущенію какого-либо недостатка, какой-либо недовольности, даже было сильно въ этомъ племени, что въ одну, своего рода вѣтвь оно положило развитіе гармоническое, *двѣсто-роннее*. Это — племя *эллиновъ*.

Названъ чловѣка *αἰθέριος*, а именно себя и всѣхъ, кто говорилъ однимъ съ нимъ языкомъ, называли: *αἰθεῖρες αἰθερίοι*, то есть, людьми, говорившими благозвучнымъ, мелодическимъ языкомъ, — а всѣхъ, кто говорилъ инымъ языкомъ, называли: *βαρβαροὶ βαρβάρων* — слово древне-азиатское и первоначально значило: *косноязычный, шепелявый* ⁽¹⁾. Въ этомъ названіи нельзя не видѣть подтвержденія того предположенія, что было время, когда азиатскіе народы слабо выдѣляли въ произношеніи гласные звуки; отчего рѣчь ихъ была нечиста, шепелевата, косноязычна ⁽²⁾. Въ время это было не такъ давно, но крайней мѣрѣ не много рѣнѣ обособленія еллинскаго племени. Съ другой стороны, названіемъ этимъ подтверждается и указанное нами значеніе имени — *αἰθέριος*. Если другіе эллины называли нечисто говорящими, то называли ихъ такъ потому, что себя считали говорящи-

(1) (2) *Ελληνικὴ Γραμματικὴ* 2, 687. *Strab. lib. IXIV, c. 2. Stephan. Thesaurus*, p. 119: «oris et linguae duritiem notaret et in Graecos ipsos cadere posset.

(2) Слабые эллины такой рѣчи оставили до сихъ поръ у евреевъ.

ми чисто, раздельно. Если других они называли ко-
позычными, такъ это потому, что себя называли
„новоблагочивыми“. Не будь послѣдняго названія, —
трудно предположить, что бы было и первое. Названіе,
а слѣдовательно и понятіе — *использанный* есть при-
мѣе противоположеніе названію, а слѣдовательно и по-
нятію — *использованный*.

Итакъ въ словѣ — *άνθρωπος*, по нашему мнѣнію,
заключается мысль, что человекъ есть существо, бла-
женное способностью говорить, а въ словѣ *μιθροφ-*
имѣли, что это существо способно говорить раздельно,
внятво.

Слѣ греческимъ названіемъ человекъ почти тожде-
ственно, по значенію, названіе славяно-русское, такъ
что славяне какъ-бы переложили только на свой языкъ
греческое слово — *άνθρωπος*, отбросивъ впрочемъ пер-
вую половину его. Они назвали человекъ *человѣкомъ*,
то есть, словесникомъ. Юнгманъ въ своемъ „*Богем-*
скомъ словникѣ“ и за нимъ Шимкевичъ въ своемъ
„*Корнесловѣ русскаго языка*“ высказываютъ предпо-
ложеніе, что слово *человѣкъ* есть слово сложное, и ко-
рень первой его половины ограничиваютъ первыми
двумя звуками — *че*, а второй половиной его считаютъ
слово *ѣкъ*. „Слогъ *че*, говоритъ Шимкевичъ (1), мо-
жетъ относиться къ глаголу *чеду* или *чну*, прош. *челъ*,
а другая часть составляетъ особое слово *ѣкъ* = беско-
нечное продолженіе времени. Выше показано въ сво-
емъ мѣстѣ, что корень *чеду* или *чну* означалъ: *длѣти*;
слѣд. подъ словомъ *человѣкъ* можно разумѣть суще-
ство, осужденное на *ѣчное длѣніе* или на непре-
рывные труды“.... Но ниоткуда не видно, что бы сла-
вяне-язычники имѣли такое понятіе о человекѣ; да
едвали и могли имѣть. Будь у славянъ таковой взглядъ
на человекъ, — взглядъ этотъ тамъ или иначе выразился
бы и въ другихъ названіяхъ. Такъ греки называли че-

(1) Корнесловъ русск. язык. стр. 123. Сиб. 1842.

ловѣка существомъ, одареннымъ даромъ слова; и у нихъ былъ синонимическій эпитетъ къ слову. *ἀνδραπῶτος*, *ἀνδρῆς* — благозвучный; мелодическій. Римляне называли человѣка существомъ, стремящимся къ обществу; и въ тоже время гражданъ римскихъ, — даже тѣхъ, которые не жили въ Римѣ, называли *Romani*, то есть, римляне или люди, зачисленные въ члены римскаго общества. Нѣмцы называли человѣка *mann*, *mensch* — мыслитель; и въ тоже время себя, какъ народъ, называли *deutsch*, то есть, ясный, объясняющій, толкующій. У славянъ встрѣчаются слѣдующія названія себя, какъ народу: *словакъ*, *словенъ*, *словенцы*, *славянинъ*, *славяннинъ* и т. п. Всѣ эти названія произошли отъ словъ: *слово* и *слава*; но *слово* и *слава* — одного происхожденія. Оба они имѣли нѣкогда одинаковое значеніе: въ старину *словити* означало тоже, что *славить* ⁽¹⁾, и *словый* употреблялось вмѣсто *славный*, напр. „воевода Тить, *словый* мужествомъ на ратехъ и на ловѣхъ“ ⁽²⁾. Одинаковое же значеніе оба эти слова имѣли потому, что оба происходятъ отъ одного корня. Корень этотъ есть *слу*, санскритское *sgu* ⁽³⁾. Что звукъ *г* (наше—*р*) могъ перейти въ звукъ *л* (наше *л*), видно изъ того, что такой переходъ — не рѣдкость въ самомъ санскритѣ; такъ *собиритъ* въ одно мѣсто посанскритски *sgōp* и *slōp* ⁽⁴⁾. Санскритскій корень *sgu* значитъ и *слышать* и *дѣлать то, чтобы другіе слушали, говорить, возвыщать, повѣствовать, прославлять* ⁽⁵⁾. Отсюда у славянъ не только *слушъ*, *слушать*, но и *словити* и *славити* и *слу-ити* = *слити* ⁽⁶⁾. Но такъ какъ, строго говоря, и въ самомъ санскритѣ

(1) *Куралъ*. Истор. госуд. рос. III, прим. 119.

(2) Тамже, IV, пр. 175.

(3) *Шамсони*. Корнезл. русск. яз. стр. 59.

(4) *Воръ*. Glossar Sanscr. p. 358. 359.

(5) *Ibid.* p. 357. 358.

(6) *Некрисов*. О значен. формъ русск. глагола: у + и = ъ. стр. 167. 196. Спб. 1865.

чистый корень этого слова есть *вг*, равняющийся нашему *сл*; то понятно, что наши *слава* и *слово* образовались прямо изъ этого древне-арійскаго корня съ прибавкой къ нему очень обыкновенныхъ у насъ окончаній *ава* и *ово*: *кү-ава* (корова), *зүб-ава*, *мур-ава*, *тр-ава*, и: *волк-ово*, *зоб-ово*, *зайц-ово* (названія селеній); прибавимъ: *зар-ово*, *огн-ово* вмѣсто *огн-ово* и т. д. Если же *слава* и *слово* произошли отъ одного корня и въ старину имѣли одно и тоже значеніе; то названія: *словакъ*, *словенъ* и тому подобныя и *славянинъ* будутъ имѣть одно и тоже значеніе: *словесный* и вмѣстѣ *славный*. — Происхожденіе этихъ названій отъ слова *слово* или *слава* очевидно до наглядности. Но какъ же изъ тогоже корня *сл* образовалось имя *человѣкъ*, если *человѣкъ* значитъ *словесникъ*?

Первое и самое важное условіе для опредѣленія первичнаго значенія слова состоитъ въ отысканіи его истиннаго корня. Рейфъ (¹) принимаетъ за коренные звуки слова *человѣкъ* первые пять звуковъ, Добровскій (²) — три, наконецъ Шимкевичъ (³) считаетъ это слово сложнымъ. Относительно мнѣнія Шимкевича уже было говорено. Что же касается Рейфа, такъ онъ вѣрно слово *человѣкъ* ставитъ въ связь съ словомъ *слово*, когда говоритъ: „*человѣкъ* вмѣсто *словѣкъ* отъ *слово*—*zlovek*“ (⁴). Но онъ невѣрно за окончаніе его принимаетъ слогъ *къ*. Окончанія *къ* или *жкъ*, по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ нѣтъ, а есть *екъ*, *икъ*; во это — окончанія именъ уменьшительныхъ: *домъ* — *домикъ*, *огонь* — *огонекъ*, *ножъ* — *ножикъ* и т. д. Больше соглашаемся съ мнѣніемъ Добровскаго, принимающаго за основу корня въ словѣ *человѣкъ* первые три звука, но соглашаемся не безусловно. По нашему мнѣнію, коренные звуки въ словѣ *человѣкъ* — *чл*, а звукъ *в*, какъ

(¹) Русско-франц. словарь, т. 2. стр. 1049. Спб. 1836.

(²) Entwurf zu einem allg. Etymol. 82.

(³) Корнесловъ, 123.

(⁴) Русско-франц. словарь. 1049.

въ *чръвъ* (чръв), *стекло* (стекло), — вставочный. Что действительно звукъ *с* здесь — вставочный, видно изъ названій чловѣка у другихъ славянскихъ народовъ: *človek* (богем.), *człowiek* (польск.), *člownik* (в. луж.), *złowek* и *złojek* (н. луж.), *zhlowek* (краинск. и виндск.), *človjek* и *človik* (босн.), *chlovek* (кратек.) и др. (1). Итакъ: въ словѣ *чловѣкъ* — корень *чл*, со вставочнымъ *с* — *чсла*; значитъ *овѣкъ* — окончаніе? Да; но окончаніе это — древнее, развѣняющееся окончаніемъ *овѣкъ* (2), которое видоизмѣнилось въ *овѣкъ* (3). Вотъ это-то послѣднее сохранилось и въ русскомъ языкѣ: отъ *домъ* — *домовица*, отъ *лесъ* — *лесовица*, отъ *пудъ* — *пудовица*, а отъ *гарохъ* — *гарохово* (деревня) и *гароховица*; точно также и отъ *сѣ* — *слово* и *словѣкъ* или *чловѣкъ*, *чловѣкъ* — чловѣкъ. Но для полнаго оправданія того предположенія, что имл — *чловѣкъ* происходитъ отъ корня *сл*, намъ остается еще показать, что звукъ *с* действительно могъ перейти въ звукъ *ч*.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что звукъ *ч* въ словѣ *чловѣкъ* не есть основной звукъ. Это видно изъ того, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ онъ видоизмѣняется то въ *ш*, то въ *ш*; а звукъ *ш* такъ часто переходитъ въ звукъ *с*, что едвали можетъ кто усумниться въ этомъ явленіи въ языкахъ славянскихъ: *носъ* — *ноша*, *проситъ* — *прошнѣ* и т. д. Но если бы мы и не имѣли въ виду другихъ славянскихъ нарѣчій, не усумнились бы утверждать, что звукъ *с* у славянъ (4) могъ перейти въ звукъ *ч*. Выше показано, что *с* ≠ *ш*; но вотъ наше слово *шуба* — у словаковъ

(1) Шмидтъ. Корнесловъ русск. яз. стр. 122.

(2) Ошч, вышеприведен. славянск. названія.

(3) Босн. назван. *človjek* и *človik*.

(4) Я не у однихъ славянъ звукъ *с* могъ переходить въ звукъ *ч*; переходъ этотъ замѣченъ и въ турецкихъ диалектахъ: чувашск. *ш* — потатарски *ш*, *ш* — *рей*, чувашск. *окса* — потатарски *акча* — деньги и др. Золотницкія. Замѣтки для ознакомленія съ чувашск. нарѣч. вып. 1. стр. 39. Казань. 1871.

чуба, инаже *сверчокъ* — у словаковъ *чверчокъ*; а *ч* = *ч* (*чотка* — *отка*); наконецъ у словаковъ выходимъ при-
мѣры безразличнаго употребленія звуковъ *с* и *ч*; такъ
чиринитъ у нихъ и *сиринити* и *чиринкати* (1);
Слѣдовательно корень *сл* безъ затрудненія могъ видо-
измѣниться въ *чл*; и наряду съ словомъ *словакъ* легко
могло образоваться слово *чловакъ*, а потомъ *чловѣкъ*
и *чловѣкъ*.

Воли такимъ образомъ имя — *чловѣкъ* происхо-
дитъ отъ тогоже корня, отъ котораго происходятъ и
слово и *словакъ*; то въ понятіи *чловѣкъ* должно за-
ключаться понятіе общее этихъ словъ. Это общее
имъ понятіе есть понятіе о дарѣ слова; и названіе
чловѣкъ будетъ означать тоже, что и названіе *словакъ*
и *чловѣкъ*; то есть, — *существо, одаренное даромъ слова*.
При выборѣ такихъ названій для себя, какъ народа,
и для чловѣка вообще предъ вами руководилны
какъ-бы тою мыслию, что *слово составляетъ славу чловѣ-*
ка, и, производя отъ *слова* *славу*, *словака* и *чловѣка*
или *чловѣка*, вдавались какъ-бы въ такое сужденіе: *сло-*
во — слава словака и чловѣка вообще. Такъ понимали
славное слово *чловѣкъ*, повидимому; довольно долгод-
у насъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ
существуетъ поговорка: „я чловѣкъ, не нѣмецъ“, то
есть, я способенъ говорить, я не нѣмецъ. А такая по-
говорка едвали могла сложиться въ доисторическій
періодъ славянъ?

Сравнивая имя, данное чловѣку славянами, съ
именемъ, даннымъ ему греками, мы находимъ между
тѣмъ и другимъ поразительное сходство. Греки назы-
ваютъ чловѣка существомъ, способнымъ говорить съ
другимъ и говорить ясно, раздѣльно; славяне называ-
ютъ чловѣка существомъ, одареннымъ даромъ слова.
Греки не-грековъ называли *варварами*, то есть, люди-

(1) К. С. Чешск. грам. съ кратк. хрестомат. и словар.
Кіевъ. 1852.

ми, не обладающими ясною, раздѣльною рѣчью (шепеловатыми); славяне не-славянъ называли нѣмцами, то есть, нѣмыми. Откуда такое сходство въ названіяхъ чело­вѣку, а слѣдовательно и во взглядахъ на него у славянъ съ греками? Было ли когда-нибудь время, когда бы славяне находились въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ грекамъ, чѣмъ въ другимъ народамъ?

Хотя ни языкъ, ни исторія не представляютъ опредѣленныхъ данныхъ для такого заключенія; но намъ кажется, что было время такихъ отношеній славянъ къ грекамъ. Это—періодъ времени, предшествующій переселенію славянскаго племени изъ Азии въ Европу.

По общему признанію историковъ и филологовъ, первые выдѣлились изъ древняго сѣменища арійскаго и двинулись на западъ кельты и латинцы или италійцы (1); за ними шли греки и еракійцы (2), потомъ племя германское (3) и наконецъ племена литовское и славянское (4). Итакъ славянское племя перешло въ европу непосредственно за литовскимъ или даже вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдъ за нимъ. Если же славянское племя шло позади и литовскаго, и если такъ образъ было время, когда славянское племя находилось ближе его къ арійскому сѣменищу; то какъ объяснить то явленіе, что литовскій языкъ ближе, чѣмъ славянскій, къ языку древнихъ индусовъ? Говорятъ, что „единенность и замкнутость литовскаго племени, которое, забившись въ дремучіе лѣса и болота нѣманскаго и двинскаго края, вело жизнь менѣе дѣятельную, чѣмъ славяне, и менѣе могло развиваться, были причиною неподвижности и въ языкѣ“. Это слова Гильфердинга (5).

(1) Гильбердингъ. Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ. Вѣстникъ Европы. кн. 7, июль 1868. стр. 234 и 242.

(2) Вѣстн. Европ. июль 1868. стр. 242 и 243.

(3) Тамже, стр. 249.

(4) Тамже, стр. 250.

(5) Тамже, стр. 250.

Но самъ же Гильфердингъ черезъ десять строкъ говоритъ слѣдующее: „представимъ себѣ, сколько въ продолженіе 2500 — 3000 лѣтъ славянѣ и литовцы должны были въ своемъ языкѣ забыть стараго и заимствовать или составить у себя новаго; понятно, почему у нихъ *исчезли почти безъ слѣда* первообытныя образы и мины арійской поэзіи, и почему сгладились у нихъ тонкіе и сложныя отгѣнки, которые древніе арійцы умѣли выражать особенными формами своихъ глаголовъ и своимъ словоерчиеніемъ; тогда какъ въ этихъ тонкихъ чертахъ слова и его поэтическихъ образахъ замѣчается такъ много сходнаго въ гимнахъ Веды и ближайшихъ къ нимъ по времени происхожденія памятникахъ арійской рѣчи, Зѣндавестѣ у иранцевъ и былинахъ древней Греціи. Но если мы отбросимъ тонкости грамматическихъ формъ и словосочиненія и откинемъ все то, что связано съ миенческими представленіями и преданіями, а возьмемъ голый *составъ языка* въ его звукахъ и словахъ, то рѣчь славянская и литовская окажется значительно ближе къ древней индійской, чѣмъ даже языкъ Иліады“ (1). Итакъ у литовцевъ, какъ и у славянъ почти безъ слѣда *исчезли* первообытныя образы и мины арійской поэзіи и сгладились тонкіе и сложныя отгѣнки глагольных формъ; тогда какъ „языкъ литовскій имѣетъ видъ болѣе старинный, чѣмъ (даже) славянскій“ (2). Если языкъ уцѣлѣлъ вслѣдствіе уединенія и замкнутости литовскаго племени; то отчего же вслѣдствіе тогоже уединенія не уцѣлѣли мины и образы поэзіи и тонкіе отгѣнки глагольных формъ? Это противорѣчіе фактовъ удобно примирить, если допустить нѣсколько иное, чѣмъ то, какого держится Гильфердингъ, предположеніе о направленіяхъ, какихъ держались арійскія племена при переселеніи своемъ въ Европу. Общепринятое мнѣніе

(1) Вѣсти. Евр. іюль 1868. стр. 251.

(2) Тамже, стр. 230.

о хронологической последовательности ихъ переселения, при этомъ предположеніи нисколько не нарушается. Гильфердингъ говоритъ, что кельты пошли по северному берегу Чернаго моря (1). Кажется; правдоподобнѣе предположить, что кельты шли чрезъ малую Азію и на балканскій полуостровъ. Потому, когда слѣдовало за кельтами италійское племя стало вытѣснять ихъ далѣе, они двинулись на апеннинскій или италійскій полуостровъ. А когда греки и еракійцы стали вытѣснять съ балканскаго полуострова италійцевъ; тогда эти послѣдніе въ свою очередь стали вытѣснять кельтовъ; и кельты отошли (2) только верхнюю Италію; большая же часть ихъ двинулась, по протокамъ юго-западной Франціи, на берега атлантическаго океана и заняла не только весь западъ европейскаго материка, но и берега Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Такое предположеніе основывается съ одной стороны на ускореннѣмъ стремленіи нервыхъ арійскихъ переселенцевъ селиться на берегахъ морей (3), съ другой—на томъ, что на всемъ означенномъ пути кельты оставили по себѣ слѣды, разумно небольшія общества ихъ племени. Въ малой Азіи и именно въ Троадѣ находился городъ Киммерида (4), получившій свое названіе, безъ сомнѣнія, отъ киммеріянъ—племени кельтскаго (5). У Гомера встрѣчается названіе Галатія (6)—одна изъ Нерейдъ;—названіе кельтское (7); значитъ у грековъ оставалось и кельтское имя и кельтское преданіе (такъ какъ Галатія одна изъ Нерейдъ). Одиссей попадаетъ въ страну киммеріянъ, которая по описанію Гомера около океана, на западъ (8)

(1) Вѣстн. Евр. июль 1868. стр. 242.

(2) Тамже, стр. 266.

(3) Греки, италійцы и сами кельты.

(4) Strab. 7. p. 299.

(5) Вѣстн. Евр. июль 1868. стр. 249.

(6) Иліад. 18, 45.

(7) Галаты—галыты—кельты.

(8) Одисс. 11, 14—20.

(конечно, отъ Греции). По всѣмъ признакамъ (*) этотъ или островъ Сицилія, или южная Италия. Наконца кельты же населяли и восточную Италію. Если же кому мерзливо встрѣчаются на берегахъ Чернаго моря, какъ это произошло отъ того, что при переселеніи кельтовъ изъ малой Азіи въ Европу, по всей вѣроятности, презъ восточнопелопонескій и дарданельскій проливы, и при расселеніи ими балканскаго полуострова, часть ихъ могла двинуться и на сѣверъ по западному берегу Чернаго моря. И такъ кельты предшествовали италійцамъ, какъ италійцы предшествовали грекамъ. Когда такимъ образомъ кельты отодвинулись на западъ, италійцы заняли италійскій полуостровъ, а греки — полуостровъ балканскій; тогда движеніе чрезъ малую Азію должно было приостановиться: грекамъ трудно было вытѣснить; потому что берега охлудскаго, анаданисскаго полуострова были заняты италійцами, вытѣснить которыхъ было также нелегко; потому что верхняя часть этого полуострова и весь западъ были заняты кельтами. Между тѣмъ, пока кельты, италійцы и греки переселялись въ Европу, берега Чернаго и Каспійскаго морей; — болѣе, чѣмъ вѣроятно, — также были заселяемы и какъ-бы указывали другой путь переселенія въ Европу, путь сѣверамъ; и когда арійскіе поселенцы малой Азіи вынуждены были и сами остановиться въ своемъ движеніи и другихъ остановить, тогда слѣдовавшее за ними племя пошло

(*) Область киммеріанъ Гомеръ представляетъ такой, гдѣ никогда не восходитъ солнце и гдѣ постоянно ночь; это или потому, что греки такимъ представляли западъ, или потому, что жители этой страны воздавали поклоненіе или Персефонѣ, жемъ Аида (аидъ — бога тьмы), похищенной недалеко отъ Этыи, въ Сициліи, или Гекатѣ, покровительницѣ ночныхъ свѣтилъ и дочери Ночи. А этимъ богинямъ воздавалось поклоненіе въ Сициліи и южной Италіи. Въ Италіи, у озера Авернисскаго, была темная роща, посвященная Гекатѣ. *Петискус*. Олимпъ. 99. 1861.

нѣсколько вползшими уже новыми сѣверными широтами. Этимъ путемъ вошло племя германское и дало болѣе простора арийцамъ, остававшимся въ Азій; движеніе изъ Азій въ Европу на время приостанавливается.

Около этого времени (въ XIII—XII в. до Р. К.) начинается въ Иранѣ, въ Бактрій, религиозный переворотъ. Переворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что „простодушное“ обожаніе явлений природы замѣнено было нравственнымъ понятіемъ о божествѣ и представленіемъ о борьбѣ добра и зла“. „Боги, которыми поклонялось издревле арийское племя, какъ олицетвореннымъ силамъ свѣтлой и благотворной природы, признаны были за темныя существа, исполнявшія волю злаго духа, и стали почитаться божества новыя“. Самое названіе бога вообще, господствовавшее у первобытныхъ арийцевъ, названіе, выразившее ихъ вѣтхое представленіе о божествѣ, *даэас*, т. е. *небесный, светлый*, подверглось дѣйствию реформы. Оно стало означать чорта (даэва). Какъ общее наименованіе бога установилось другое слово, которое въ первоначальномъ языкѣ арийцевъ составляло, какъ кажется, только одинъ изъ эпитетовъ божества; понижася уже болѣе отвлеченно, въ смыслѣ покровителя, подавателя благъ: слово *баэас*, *богъ* (1). Кельтовъ, италійцевъ, грековъ и германцевъ переворотъ этотъ не коснулся (2), а славяны нѣсколько коснулся (3). Значитъ; было время, когда вышеупомянутыя племена были уже въ Европѣ, а славяне были еще въ Азій. А такъ какъ переворотъ этотъ почти не коснулся и литов-

(1) Вѣстн. Европ. июль 1868. стр. 254. Въ Землеведѣ и въ древне-персидскихъ надписяхъ *бага*.

(2) Основа ихъ мифологій обща, первобытная. Названіе бога одно и тоже слово *даэас* въ разныхъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ.

(3) Вѣстн. Европ. стр. 255.

языкъ (1); то, значить, действительно было аретн, когда и литовцы были дальше от иранцев, чѣмъ славяне. Но съ другой стороны, если взять во вниманіе то обстоятельство, что литовскій языкъ ближе къ языку индусовъ, чѣмъ славянскій, а этого, по вашему мнѣнію, не могло бы быть, если бы не было времени, когда литовцы были ближе къ индусамъ, чѣмъ славяне, такъ что выходитъ, что въ одно время, и болѣе продолжительное (2), ближе къ индусамъ были литовцы, а въ другое, менѣе продолжительное, славяне; то возникаетъ подозрѣніе, не въ малой ли Азійи помѣщалось славянское племя въ это время, когда персианцы переселялись въ Европу, и не ему ли именно оумдено было пристановить движеніе въ Европу самаднимъ путемъ? Предположеніе это подтверждаетъ и Гомеръ. Гильфердингъ доказываетъ, что древнѣйшее названіе славянъ — венеты (3). Поименовывая союзниковъ Троя, Гомеръ говоритъ, между прочимъ, что „пафлагосскъ вель Пилемонъ, храброе сердце, изъ *энетовъ* (4), откуда порода дивикъ вошаковъ: они же владѣли Китономъ и обитали вокругъ Сесама, члѣла славные цесарно рѣкъ Партецію (5), паселяли Кропну, Эталь, и ван

(1) Вотъ политовски *длас*, полатышеки *длас*, въ древнѣйшомъ литовскѣи *litas, daitis*.

(2) Такъ какъ языкъ усвоится не такъ скоро, какъ языкъ ды и лонатіа.

(3) Вѣстн. Европ. сентябрь 1868. стр. 153. 154. 155. 156. *Венеты, венеды, венды, банты, анты, вянты, влтичи* — отъ древняго *вентис* или *солетис* — восточный; такъ что выходитъ, что названіе *вентис* и *солетис*, по значенію, почти синонимичны; первое названіе — древнее, второе — новое.

(4) Арейскій звукъ *с* греки очень часто замѣняли простымъ *д* келіемъ. Милл. 2, 851.—853.

(5) Рѣка Варганъ, впадающая въ Черное море въ крымскійской области. Килоръ языкъ Калросъ, Сесамъ — восточнѣе впадающа горада Амассира (нынѣ Амассера).

юские Эритрины⁽¹⁾. Допускаятъ такое предположеніе, чѣмъ охотнѣе, что при немъ всѣ противорѣчія уладиваются весьма удобно. Послѣ того, какъ германскіе племена мало по малу переселились въ Европу, кто-то заняло литовское; а мѣстомъ этимъ, при продолженіи, что славяне были уже въ малой Азіи, будеть земля, лежащая около границы азіатской Турціи съ Персіей. Такимъ образомъ, по выселеніи германскаго племени славяне и литовцы были раздѣлены такъ: славяне занимали часть малой Азіи по южному берегу Чернаго моря, а литовцы занимали землю на востокъ отъ славянъ и примыкали съ одной стороны къ славянамъ, съ другой къ арійцамъ. Значить, было время, когда литовцы находились ближе къ „арійскому центру“, чѣмъ славяне, и именно находились между арійцами и славянами. И это было тогда, когда зарождалось только религіозное движеніе между арійцами; потому что самый переворотъ религіозный на литовцахъ не отразился, а славянъ только коснулся. Съ этимъ періодомъ времени совпадаетъ съ одной стороны вторженіе грековъ въ малую Азію (тронновская война), съ другой нападенія ассирійцевъ. Вторженіе грековъ должно было оттѣснять славянъ назадъ, на востокъ; а нападенія ассирійцевъ⁽²⁾ съ береговъ Евфрата, съ юга, должны были отодвигать славянъ на сѣверъ. Такимъ образомъ тѣснимые съ запада и юга славяне или энецы стали подвигаться назадъ и, вытѣснивъ литовское племя на сѣверъ, на нѣсколько времени

(1) Кромна — развалины около Амассера; Эриалъ — берегъ такъ называлась и деревня близъ Анастриа; Эритины — нѣско затѣчательное двумя огромными скалами (Еротиалъ — дѣлаю краснота).

(2) Арріанъ говоритъ, что саветы пострадали отъ войны съ ассирійцами и отъ оставило ихъ удавиться въ Европу». А Евстацій, упоминая (въ примѣчаніяхъ къ Дионисію Періегету, стр. 378) объ этомъ сказаніи Арріана, говоритъ, что ирешеніи «деятію теперь называемъ мы Венетіей».

заняли его мѣсто и стали такимъ образомъ ближе къ иранцамъ, чѣмъ литовцы. Въ это-то время славяне и захватили начало вышеупомянутаго религіознаго переворота въ Иранѣ. Ускоренію этого переворота, можетъ быть, много способствовали вторженія въ Бактрію ассиріяня (').

При такомъ предположеніи понятнo будетъ и то, почему у литовцевъ и славянъ исчезли образы и мифы древней арійской поэзіи и сгладились тонкіе оттѣвки глагольныхъ формъ; тогда какъ по своему составу языкъ ихъ ближе къ языку древнихъ индусовъ, чѣмъ даже языкъ Илиады. Это—потому, что упомянутому религіозному перевороту должно было предшествовать скептическое отношеніе къ древнимъ мифамъ въ самомъ Иранѣ; и этотъ скептицизмъ, коснувшійся не только славянъ (которыхъ коснулся и самый переворотъ религіозный), но и литовцевъ, охладилъ какъ въ самихъ иранцахъ, такъ и въ нихъ уваженіе къ древнимъ мифамъ; тогда какъ грековъ этотъ скептицизмъ не коснулся. Что же касается состава языка и его формъ, то первый въ Иранѣ долженъ былъ измѣняться самымъ неощутительнымъ образомъ. Новый составъ языка возникаетъ вслѣдствіе столкновеній челоуѣка съ новыми предметами; чего не было въ Иранѣ. Греки, напротивъ, имѣли въ это время уже много новыхъ столкновеній: острова, заливы, мысы, растенія, новые народы—все это новые предметы, вызывавшіе необходимость новыхъ названій. Эта сторона развитія языка отвлекала вниманіе грековъ отъ развитія формальной его стороны; поэтому формы языка оставались у грековъ прежними и тогда, когда не нуждавшійся въ матеріальномъ развитіи, то есть, въ развитіи по своему составу языкъ самихъ иранцевъ постепенно развивался *формально*, и ко времени переселенія литовцевъ и славянъ былъ въ этомъ отношеніи уже болѣе далекъ

(') Вѣстн. Европ. сентябрь 1868. стр. 167.

отъ языка Веды, чѣмъ языкъ греческій; тогда какъ по своему составу былъ ближе къ нему, чѣмъ послѣдній. Эти свойства языка вынесли съ собой въ Европу и литовцы со славянами.

Итакъ есть основаніе думать, что славяне (вмѣстѣ съ другими, тогда азіатскими племенами) какъ-бы сопровождали грековъ на пути въ Европу до самой азіатской границы; въ малой Азіи они остановились, и сношенія ихъ съ греками продолжались до тѣхъ поръ, пока не вытѣснили ихъ въ Европу.

Древняя связь славянъ съ одной стороны съ литовцами, съ другой—съ греками, въ Европѣ уже, отразилась въ томъ, что европейскіе славяне по языку своему приближаются болѣе къ литовскому племени, чѣмъ ко всякому другому, а по своему основному характеру, еще не вполне впрочемъ обнаружившемуся,—по духу народности, стоятъ, кажется, ближе всего къ грекамъ. Эта основная черта характера или народности славянъ, составлявшая нѣкогда и основной характеръ греческаго народа, заключается въ стремленіи народа къ гармоническому всестороннему развитію. Подъ выраженіемъ: *гармоническое развитіе*, разумѣемъ развитіе такого рода, когда не только не остается въ пренебреженіи, но и не допускаетъ рѣзкаго перевѣса надъ собой ни одна изъ сторонъ существа человѣческаго. Это направленіе въ развитіи грековъ и славянъ, среди многихъ другихъ своихъ проявленій, отразилось и въ данномъ тѣмъ и другимъ народомъ названіи человѣку: названіе его существомъ словеснымъ обнимаетъ и духовную, разумную и плотскую природу человѣка.

Это же направленіе, какъ и всякое другое направленіе всякаго другаго народа, не могло не отразиться и на религіи. Если германцы удержали за человѣкомъ древнее арійское названіе, а божеству дали новое, свое (¹); то римляне, греки и славяне, наобо-

(¹) Правосл. Собес. июль 1871. стр. 171. 132.

ротъ, давъ человѣку свое имя, за божествомъ оставили прежнія азіатскія названія. Греки Бога называютъ *Θεός* (а это есть видоизмѣненное *Zeus*), а римляне *Deus*. То и другое названіе есть названіе древне-арійское—*deva*—ясный, свѣтлый, и потому—Богъ ⁽¹⁾ (отъ *div*—сіять) ⁽²⁾. Славяне Бога называютъ: *Богъ*; это—видоизмѣненное арійское *bagas*, податель благъ. Несмотря однакоже на видимую противоположность германскаго племени латинскому, греческому и славянскому въ томъ, что первое удерживаетъ древнее названіе за человѣкомъ и измѣняетъ названіе Божества, а послѣднія наоборотъ удерживаютъ древнее названіе за Божествомъ и измѣняютъ названіе человѣка,—первое имѣетъ, въ этомъ отношеніи, и общую съ послѣдними сторону. Общаго у нихъ то, что какъ первое, такъ и послѣднія — всѣ отдѣлили названіе Божества отъ названія человѣка; всѣ Бога и человѣка стали называть совершенно различными именами; тогда какъ предки ихъ, арійцы, названіе Божеству и человѣку составили изъ одного и тогоже слова шап — *мыслитель* съ прибавкою къ первому прилагательнаго: *великій*,—человѣка назвали мыслителемъ, а Бога—великимъ мыслителемъ. Ранѣе ⁽³⁾ было уже замѣчено, что явленіе это объясняется тѣмъ, что европейскіе арійцы не видѣли уже той близости отношеній Божества къ человѣку, какую усматривали еще арійцы азіатскіе. Въ такомъ невѣдѣніи близости Бога къ человѣку по самой природѣ (духовной) послѣдняго,—такъ какъ человѣкъ носитъ въ себѣ образъ Божій,—европейскіе арійцы оставались до тѣхъ поръ, пока не были озарены свѣтомъ христіанства. Христіанство просвѣтляетъ взглядъ ихъ на Божество и на отношенія Бога къ человѣку. Взгляды мѣняются, но названія остаются прежнія; потому что названія эти указываютъ на дѣй-

(1) *Vopp. Glossar. Sanscr. p. 175.*

(2) *Ibid. p. 168.*

(3) *Правосл. Собес. июнь 1871. стр. 172.*

ствительно присущія Богу и человѣку свойства. Богъ дѣйствительно есть свѣтъ и податель благъ ⁽¹⁾; человекъ дѣйствительно есть и мыслитель и существо общежительное и наконецъ существо, одаренное даромъ слова. Названія, данныя европейскими арийцами человѣку, трудно было замѣнить другими также и потому, что въ каждомъ изъ нихъ высказывается основная черта народности, сгладить которой не могло и христіанство какъ по своему характеру—быть религіей свободы, такъ и по свойству природы самого человека, какъ существа свободнаго. И дѣйствительно, если присмотрѣться къ тому, какъ европейскія племена усвоили и усвояютъ христіанство; такъ нельзя не замѣтить, что обнаружившая себя въ названіи, данномъ тѣмъ, или другимъ племенемъ человѣку, основная племенная черта проглядываетъ и въ самомъ образѣ усвоенія каждымъ племенемъ христіанства. Такъ римляне, назвавшіе человека существомъ общежительнымъ и поставившіе себѣ задачей развитіе жизни государственной въ ущербъ частной, принявъ христіанство, не замедлили обратить его въ одинъ изъ рычаговъ къ развитію своего государственнаго могущества. Религія и политика объединяются: папа — и глава Церкви (вмѣсто Іисуса Христа) и мірской властелинъ; правила: „цѣль оправдываетъ средства“, католики держались одинаково какъ въ дѣлахъ политики, такъ и въ дѣлѣ распространенія вѣры; блескъ, пышность и многосложная обрядность какъ при дворѣ, такъ и при богослуженіи.—Назвавшіе человека мыслителемъ германцы впадаютъ въ другую крайность: вытѣсняють изъ церковной практики не только необходимые обряды и украшенія, но и нѣкоторыя изъ таинствъ, не признають авторитета преданія и ищутъ истины во внутреннемъ озареніи ума при чтеніи священнаго Писанія.—Давшіе человѣку имя по его способности говорить, какъ такой способности, въ которой оба на-

(1) 1 Іоан. 1, 5. Іак. 1, 17. 1 Тим. 6, 17.

чала человѣческой природы сливаются въ одинъ даръ слова, и поставившіе себѣ задачей развитіе возможно-цѣлостное,—греки и славяне и христіанство усвояютъ не односторонне, а возможно-цѣлостно, *православно*; видятъ въ христіанствѣ такую религію, которая вышшеается надъ всеми частными развитіями и обнимаетъ все стороны жизни,—которая, давая полную свободу проявленію естественныхъ силъ человѣческихъ, не стѣсняетъ вѣрующихъ готовыми формами подобно католичеству, но и не разъединяетъ ихъ подобно протестантству, а объединяетъ единствомъ духа, союзомъ любви и вѣры въ Основателя христіанства, въ Бого-человѣка, въ Божию Премудрость и Слово.

А. Некрасовъ.